

СЕРГІЙ ШАМРАЙ

СПОМИНИ ОЛ. ОЛ. РУСОВА

Кілька разів Олександр Олександрович Русов приступав до писання своїх споминів, але, на жаль, ми маємо їх дуже мало. Це тим більша шкода, що праця цього громадського діяча, письменника й ученого була дуже корисна і тривала протягом мало не 50-ти років (з кінця 60-х років до 8 жовтня 1915 р.—день смерти Русова).

Нам пощастило знайти деякі матеріали Русова (а також про нього) в двох архівах: в архіві кол. Наукового Т-ства і в Рукописному Відділі Всенародньої Бібліотеки в Києві. В першому архіві було тільки цікаве листування (листи Русова до Ф. К. Вовка¹), в другому-ж—досить багато рукописів самого Русова, його чернеток як офіційних паперів, так і приватних листів, а також деяке урядове листування до нього і про нього. Серед них ми знайшли одей цікавий рукопис його (підвідділ документів, № 517); його, очевидно, малося друкувати в журналі „Былое“ (про це ми знаходимо й згадку в цьому журналі), слідом за тими невеликими примітками його, а також Ф. Вовка, що їх було вміщено в „Быломъ“ у „Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“ (р. 1907, кн. 6—8). Цей „Сводъ“ містив у собі звідомлення провокатора Веледницького, а також Богославського та Гольденберга, про тогочасні революційні рухи та зокрема про український рух; вони мали бути матеріалом для акту обвинувачення про членів київських українських гуртків 60—70-х років, що намічався в ті часи. Подано його було в „Быломъ“, як матеріал з історії революційних рухів у кол. Російській імперії. Цілу першу частину його присвячено українському національно-революційному відродженню, „сообществу украинофиловъ“, і до неї для пояснення додано вищезгадані примітки Ол. Ол. Русова і Ф. К. Вовка.

Хоч дати в рукопису немає, але тому що в „Быломъ“ є згадка, що ця стаття швидко з'явиться, ми можемо вважати, що її написано десь у рр. 1906—7. Вона пішла, правдоподібно, в набір², і було її навіть набрано, але другої коректи не побачила, бо „Былое“ було в кінці 1907 р. припинено.

Цей рукопис містить у собі відомості про арешти, труси та переслідування, що їх зазнав Русов з боку урядових органів. А таких переслідувань Русову довелось перенести багато... На жаль, у цих своїх споминах Русов не подає дат арештів та трусів, що переводились у нього. Встановити-ж ці дати завдяки загальному характерові викладу точно не можна і доводиться обмежитись приблизним наміченням періодів, в які Русов був у згаданій місцевості.

Біографія Ол. Ол. була досить складна. Народився він 1847 р. в Києві (хоч по батькові й був він Росіянин-костромич), де й дістав середню й вищу освіту, закінчивши історико-філологічний факультет філологічний відділ університету. Не вважаючи на своє російське походження, Олександр Олександрович, вирощи в Києві, почував себе Українцем;

¹ Їх ми сподіваємося подати в найближчих числах „України“.

² Бо на рукопису є напис олівцем, правдоподібно, самого Русова, — прохання прислати другу коректу.

в 1870-х роках вступає він у „Стару Громаду“, де веде жваву роботу. Перші його інтереси були скеровані на етнографію: він допомагає Драгоманову збирати матеріал для „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“, а пізніш бере участь в етнографічній праці при „Юго-Зап. Отдѣлъ Рус. Географ. О-ства“; з доручення його складає, між иншим, разом з Чубинським програму до збирання етнографічного й статистичного матеріалу. В пізніших-же роках він починає займатися статистикою; 1886 року він переїздить до Чернігова, де разом з Варзаром і Червинським творить так звану „чернігівську“ або „територіальну“ школу в методі статистичних дослідів. Але з цього часу переважно й починаються переслідування його з боку влади. Як відомо, статистика в ті часи взагалі була наукою опозиційною, антиурядовою, революційною. А до того ще Русов був Українцем, брав участь в українських гуртках, проводив думку про заведення навчання в земських школах українською мовою (в Херсонському і Чернігівському земствах), а тому уряд вважав його за подвійно небезпечного. Через те Олександр Олександрович, цей видатний і корисний діяч і вчений, не мав постійної посади, бо його раз-у-раз звільняли, повсякчас викидали, часто додаючи заборону працювати в статистиці в даній губернії. Добре змалював ці обставини П. Смуток (Стебницький) у своїй статті на смерть Русова¹, де він каже, що коли той був зарахований до неблагонадійних елементів, то „въ этомъ качествѣ за свою жизнь много разъ служилъ объектомъ административныхъ преслѣдованій со всѣми ихъ атрибутами: обысками, арестами, допросами, высылками... Это и было, въ сущности, главною причиною того кочевого образа жизни, который пришлось вести А. А. Русову, какъ перекати-поле носившемуся по полямъ и степямъ Украины въ поискахъ мѣста, гдѣ бы онъ могъ спокойно приложить къ жизни свои знанія и енергію“².

І дійсно, таке становище було в Русова. Де тільки не бував він: Київ, Петербург, Чернігів, Ніжен, Херсонщина, Харків, знов Чернігівщина, Полтава, Петербург... І ніде не міг він довго спинитися, всюди його гнали з місця на місце, але й усюди він провадив свою корисну працю, як наукову (статистичну, археологічну та іншу), так і громадську. Треба думати, що матеріали самого Русова, а також і про нього, збереглися там, у провінції³, але, на жаль, про них відомостей у нас майже немає. Треба-б пошукати в цих місцях. При різних інтересах Русова і його жвавих зв'язках з людьми цей матеріал міг-би дати багато цікавих відомостей про тогочасне громадське життя Українців.

Цей період утисків та нагінок і описує як-раз Русов у своїй статті: всі ті арешти і допити (правда, уривками та певними епізодами), всю безглуздість і недотепність „крамолоискателей“, а поруч з тим їх невгамовність і настирливість. В своїй описі автор охоплює 20-ти річний період, аж до 1902 року, коли його нарешті було вислано за межі України. Сталося це через селянські революційні розрухи на Полтавщині в цих роках; а саме так: по приїзді до Полтави міністра Плева йому булоднесено, що ці заворушення повстали завдяки агітації „статистика Русова“. І ось висилка з меж України, Петербург, а потім закордонна командировка...

І тільки 1908 року міг повернутися Русов на Україну. Останні роки

¹ Памяти Русова, „Украинская Жизнь“, 1915 рік, № 10.

² Ibidem, ст. 12.

³ Напр., ми знаємо, що в Чернігові, в Губ. Архіві збереглося досить багато матеріалів про Русова, а також взагалі про статистичну роботу на Чернігівщині, що була тісно зв'язана з його іменням.

свого життя. Русов провів, нарешті, досить спокійно у Києві, викладаючи в київському комерційному інституті.

Що до утисків з боку уряду проти Русова ми мусимо зауважити, що великою частиною цих своїх переслідувань і арештів, принаймні в першу половину описаного періоду, він мусів завдячувати діяльності своєї дружини, відомої громадської діячки й письменниці Софії Федорівни Русової (народж. Ліндфорс), що стояла в ті часи дуже близько до народовольських кіл. Але й сам Олександр Олександрович, людина взагалі толерантна й аполітична, часто й сам притягав увагу жандармерії, як статистик й український діяч. До того-ж у другій половині описаного періоду революційна діяльність народників майже припиняється, а до соціал-демократів, до яких переходить з часом провідна роля в революційній діяльності, Софія Федорівна ставилася вороже і тому вона стає аполітичною, віддавшись цілком культурній роботі.

Залишається додати, що не вважаючи на бурхливе життя, Русов завжди лишався людиною повною енергії та життєвої відваги, і цікава діяльність його та життя, що ціле віддав він для праці над піднесенням селянського добробуту і на оборону прав українського селянства, заслуговує найпильнішої уваги з боку нашого громадянства.

Какъ крамолокскатели разъяскивали „укаринофильство“.

(Воспоминанія).

За періодъ лѣтъ въ 20, или болѣе, мнѣ привелось выдержать 13 обысковъ въ моихъ квартирахъ въ Киевѣ, Елисаветградѣ, Одессѣ, Херсонѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, на собственномъ хуторѣ въ Черниговской губернии, а также нѣсколько разъ бесѣдовать на допросахъ съ жандармскими офицерами и товарищами прокуроровъ. Многое, что осталось у меня въ памяти о дѣйствіяхъ имущихъ власть врываются въ личную жизнь гражданъ и изслѣдовать ихъ личныя воззрѣнія на міръ Божій, можетъ характеризовать до извѣстной степени условія быта зауряднаго обывателя въ послѣднюю четверть XIX и самого начала XX вѣка. Поэтому я, по предложенію редакціи „Былого“, рѣшаюсь занять вниманіе читателей этого журнала нѣкоторыми воспоминаніями, рисующими какъ обстановку обысковъ по политическимъ дѣламъ, такъ и содержаніе разговоровъ при такъ называемыхъ „предварительныхъ дознаніяхъ“. Послѣднее, можетъ быть, мало интересно будетъ для русскихъ читателей, такъ какъ относится къ спеціальному виду обвиненій въ украинскомъ „сепаратизмѣ“, розыскъ котораго въ умахъ и сердцахъ украинцевъ начался съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка и усилился со второй половины 70-хъ годовъ; но общій характеръ допросовъ по этому предмету вѣроятно былъ одинъ и тотъ же на пространствѣ всей Россійской имперіи, ибо на всемъ этомъ пространствѣ допросы производились людьми одной и той же степени развитія, однихъ и тѣхъ же воззрѣній и однихъ и тѣхъ же чиновъ жандармскаго и судебного вѣдомствъ.

Форма и способъ производства обысковъ за все время, какога касаются мои воспоминанія, были одни и тѣ же. Домъ и квартира оцѣпляются. Звонокъ, или стукъ. На вопросъ: „кто тамъ?“ слѣдовалъ обыкновенно краткій отвѣтъ: „телеграмма!“ или же грубое: „отворите!“ Затѣмъ жилое помѣщеніе обывателя наполняется унтерами съ ротмистромъ или подполковникомъ во главѣ, понятими, полицейскими чинами; товарищу прокурора имѣеть видъ или апатичный, или строго-офіціальныи, смотря по тому, состоитъ ли онъ въ знакомствѣ съ обыскиваемымъ, или нѣтъ;

иногда онъ и отсутствуетъ вовсе, если въ этотъ день, или ночь производятся повальные обыски во всемъ городѣ и исполнителей „постановленія“ не хватаетъ на всѣ пункты обыска. Однажды, когда нужно было въ данномъ городѣ произвести въ одну ночь 30 или 40 обысковъ, то на выполнение этого акта въ моей квартирѣ явился даже становой приставъ съ неподчиненными ему городскими и понатыми: по недостатку въ городѣ лицъ, опытныхъ во всѣхъ манипуляціяхъ и дѣлопроизводства обысковъ, пристава и ихъ помощники изъ уѣздовъ были вызваны въ городъ для содѣйствія жандармскимъ чинамъ въ выполнении ихъ обязанностей. Этотъ приставъ счелъ нужнымъ даже какъ бы извиниться въ томъ, что онъ приступаетъ къ дѣйствию, не входящему въ кругъ его обязанностей.

— Видите-ли, я вѣдь, собственно говоря, приставъ такого-то стана и уѣзда, а это—дѣло чиновъ жандармскаго управления; но разъ я получилъ командировку сюда за недостаткомъ штата въ этомъ учрежденіи, то ужъ позвольте мнѣ произвести обыскъ согласно инструкціи жандармскаго вѣдомства!

Если же замѣны надлежащаго жандармскаго ротмистра или подполковника не было, то, смотря по энергіи или темпераменту послѣдняго, начало обыска варьировалось.—„Раздѣньтесь!“ Такимъ, напр., возгласомъ началъ свои военныя дѣйствія наиболѣе ретивый ротмистръ или подполковникъ въ Елисаветградѣ, ретивость котораго кончилась для него довольно печально. Онъ началъ обыски съ вечера въ моей квартирѣ, затѣмъ, отправивши меня и жившаго со мной товарища въ тюрьму, продолжалъ съ полночи обыскивать другую квартиру моего знакомаго, а оттуда отправился утромъ къ третьему, гдѣ засталъ на столѣ трупъ умершаго его родственника, обыскивалъ и его и снималъ иконы, отыскивая за ними „крамолу“. Его неусыпность и преданность служебному долгу простиралась до того, что онъ вечеромъ не позволилъ моей служанкѣ поставить самоваръ; а когда я, видя его утомленіе, осмѣлился предложить ему выпить рюмку водки и закусить чѣмъ Богъ послалъ, онъ строго сказалъ полицейскому: „Г-нъ приставъ! извольте удалить водку!“

Усердное выполнение своей обязанности „не щадя живота“ и безъ пищи въ теченіе болѣе чѣмъ сутокъ довело его до того, что вечеромъ на слѣдующій день, окончивъ свою работу, онъ получилъ апоплексическій ударъ, вслѣдствіе чего допросы насъ въ тюрьмѣ производилъ уже другой товарищъ его по службѣ.

Разумѣется, приступъ къ дѣйствіямъ у другихъ, болѣе элегантныхъ ротмистровъ бывалъ и иной: „На основаніи предписанія“ или „постановленія“ такого-то, у Васъ будетъ произведенъ обыскъ...“ и т. д. Если я осмѣливался послѣ этого вставить съ своей стороны реплику, что на основаніи кажется 67-го или 97-го пункта инструкціи жандармскимъ чинамъ, производящимъ обыски и выемки, они объявляютъ обыскиваемому, въ какомъ преступленіи или проступкѣ онъ заподозрѣнъ, то отвѣты бывали разные. Иной ротмистръ съ вѣжливою галантною вынималъ изъ кармана „постановленіе“ и предъявлялъ его мнѣ, а иные говорили, что это имъ неизвѣстно, ибо они—только исполнительная власть, а присутствіе товарища прокурора достаточно обезпечиваетъ законность ихъ дѣйствій.

Бить никого изъ насъ не били при обыскахъ, какъ то вошло въ обычай въ періодъ „массовокъ“ и собраній въ рощахъ, о чемъ разсказывается въ повѣствованіяхъ Арцыбашева и во многихъ газетныхъ сооб-

¹ На жаль, рік точно встановити не можна. Ми знаємо тільки, що на Херсонщині (Губ. Земстві) Ол. Ол. працював у 1882—89 роках.

щеніяхъ о новыхъ способахъ арестованія подѣ открытымъ небомъ въ текущемъ столѣтїи. Разъ, впрочемъ, нѣкоторое физическое воздѣйствїе по отношенію къ моей женѣ передъ отправкою ея послѣ обыска изъ полицейскаго участка въ тюрьму хотѣлъ произвести полтавскій¹ ротмистръ или * подполковникъ. Когда онъ ей сказалъ, что отправляетъ ее въ тюрьму, она попросила разрѣшить ей подѣ наблюденіемъ полицейскаго или жандарма заѣхать домой, гдѣ остался одинъ малолѣтній ребенокъ. Товарищъ прокурора сказалъ ей, что по закону она имѣетъ право передъ заключеніемъ въ тюрьму употребить два часа на приведеніе въ порядокъ домашнихъ дѣлъ, и удалился изъ „засѣданія“, которое на томъ и окончилось. Тогда жандармскій офицеръ велѣлъ своимъ солдатамъ взять со стула и нести жену мою на рукахъ на извозчика, чтобъ отправить въ „предварительное заключеніе“, хотя она ссылалась на разрѣшеніе и указаніе на законъ товарища прокурора. Конечно, она не допустила того, чтобы унтера несли ее, и въ концѣ концовъ подчинилась распоряженію офицера, которое оказалось выше закона, указанного „товарищемъ“.

Иногда же наоборотъ товарищу прокурора удавалось въ противность мнѣнію жандармскаго офицера отстоять или законность или по крайней мѣрѣ логичность обоюдныхъ ихъ дѣйствій при обыскѣ. Такъ напр. въ Одессѣ², обыскивая ящикъ стола, въ которомъ лежали у меня деньги, офицеръ доброжелательно подаль мнѣ двѣ трехрублевыя бумажки и серебряную мелочь со словами: „это—можете взять себѣ!“ Но затѣмъ, отложивши найденный имъ конвертъ денежнаго письма со 125 рублями въ свой портфель, продолжалъ: „а эти деньги и письмо подлежатъ конфискаціи!“ Тогда я обратился къ товарищу прокурора.

— Я вижу, сказалъ я, что дѣло клонится къ моему аресту. Останутся въ квартирѣ, какъ Вы видите, дѣти, нянька и кухарка. Не могу же я ихъ оставить на произволъ судьбы, при томъ безъ матери, которая уже арестована. Если письмо частнаго лица ко мнѣ имѣетъ какой нибудь интересъ для слѣдствія, то кому же изъ слѣдователей нужны деньги и какая цѣль арестовать ихъ?

— Конечно, денегъ нѣтъ никакой надобности прїобщать къ слѣдственному матеріалу, разъ въ письмѣ указана сумма ихъ!—сказалъ товарищъ прокурора, пробѣжавъ содержаніе письма, и возвратилъ мнѣ деньги, передавши письмо съ конвертомъ офицеру.

Другой разъ товарищъ прокурора вступился за мою взрослую дочь и ее вполне законную стыдливость. Она обучалась въ то время въ заграничномъ университетѣ (въ Монпелье), а такъ какъ каникулярное время окончилось, собиралась ѣхать за границу и наканунѣ обыска уложила всѣ свои вещи и книги въ сундукъ. Изъ этого сундука, акуратно уложеннаго, офицеръ выкинулъ на полъ кое-что изъ бѣлья и платья, а себѣ отложилъ переплетенную тетрадку личнаго дневника моей дочери. Узнавъ, что эту тетрадку заберутъ, она прижала ее грудью и руками къ столу и съ плачемъ стала защищать свои дѣвичьи тайны.

— Пусть все забираютъ, весь сундукъ со всѣми книгами, но дневника я не отдамъ ни за что!—кричала она. Офицеръ кивнулъ головою своимъ унтерамъ, но я поспѣшилъ стать между ними и моею дочерью.

— Послушай,—сказалъ я ей,—нельзя такъ! Вѣдь эти люди вооружены саблями, а ты не можешь надѣяться на свою силу... Успокойся, нужно

* Извиняюсь передъ читателями, что изъ желанія быть точнымъ часто повторяю это „или“, такъ какъ я всегда слабо зналъ отличіе мундира ротмистра, подполковника, да и теперь не знаю, когда какой именно чинъ производилъ тотъ или другой обыскъ.

¹ Нам вѣдомо, що Русов був у Полтаві з 1899 до 1903 року. Але, здавалося-б, що цей трус мав бути раніше. Чи не змішав Русов міста? С. Ш.

² Знов таки рік встановити тепер точно не можна (1882—89). С. Ш.

иначе... жена моя тѣмъ временемъ говорила прокурору: „вѣдь въ дневникѣ дѣвицы, писанномъ въ Монпелье, которому она повѣряетъ свои настроенія и мысли о разныхъ своихъ знакомыхъ, и котораго и я не позволю себѣ перечитывать, вы, господа, не можете найти ничего, относящагося къ дѣлу, которое васъ интересуетъ. Зачѣмъ же эти лишнія издѣвательства?“

— Тѣмъ болѣе,—прибавилъ я,— что въ постановленіи, которое прочелъ мнѣ г. офицеръ, сказано, что обыскъ предписано произвести у меня и у моего сына, а не у моей дочери...

Офицеръ продолжалъ копаться въ сундукѣ, пересматривая французскія книги моей дочери и откладывая нѣкоторыя въ сторону.

— Квартира вѣдь одна, общая!—говорилъ онъ въ оправданіе своихъ дѣйствій.

Дочь со стыда и отчаянія оставила свой дневникъ на столѣ и выбѣжала выплакивать свое горе въ цвѣтникъ (дѣло было лѣтомъ). Я вышелъ вслѣдъ за нею, чтобы предупредить возможное столкновение ея съ стоящими тамъ городовыми и жандармами. Но вскорѣ пришелъ сюда же посланный къ намъ офицеромъ унтеръ-офицеръ, который сказалъ, что насъ просятъ въ комнаты.

— Г. товарищъ прокурора находитъ, что Вашъ сундукъ не подлежитъ обыску,—сказалъ онъ моей дочери:—можете все уложить обратно...и дневникъ Вашъ.

Въ этомъ случаѣ прокуроръ очевидно убѣдилъ офицера, что отецъ и дочь—лица разные, и если обыскъ производится у отца, то сундукъ дочери пользуется неприкосновенностью. А въ другомъ городѣ и въ другомъ случаѣ, когда обыскъ предписано было произвести у моей жены и когда я спросилъ у товарища прокурора: „зачѣмъ же и мой столъ весь перекапываютъ?“—онъ очень официально и сухо отвѣтилъ:

— Потому что и въ Вашемъ столѣ могутъ оказаться документы, избобличающія Вашу жену въ преступленіи.

Дѣло въ томъ, что этотъ товарищъ прокурора былъ мой знакомый, не болѣе какъ за 1—1½ мѣсяца до обыска пившій со мною „брудершафтъ“ въ Татьянинъ день, который для всѣхъ бывшихъ студентовъ въ Херсонѣ устраивали бывшіе московскіе студенты. Ему очевидно хотѣлось показать мнѣ, что „брудершафтъ“ и немезида, представителемъ коей онъ являлся въ данную минуту, не имѣютъ между собою ничего общаго, а за то квартира моя и моей жены „общая“.

Прикосновенность младшихъ членовъ семьи къ преступленію старшаго считалась тогда несомнѣнною, согласно съ ученіемъ басни Крылова „Волкъ и ягненокъ“ не только въ средѣ крамолоискателей, а и въ болѣе широкихъ кругахъ общества, что можно подтвердить слѣдующимъ эпизодомъ. Когда въ Харьковѣ¹ были арестованы и я и моя жена, дѣти, учившіяся въ тамошнихъ гимназіяхъ, остались одни, пока изъ Кіева не пріѣхала къ нимъ родственница*.

Директоръ 1-й мужской гимназіи узналъ о нашемъ арестѣ изъ газеты, гдѣ городской голова помѣстилъ тотчасъ же извѣстіе, что бывший городской статистикъ Русовъ болѣе уже не занимаетъ этой должности. Это обстоятельство, а также городскіе рассказы объ арестѣ родителей

* Эта ангельски-добрый души дѣвица настолько освоилась съ непрочною существованіемъ своихъ родственниковъ вслѣдствіе частаго заключенія ихъ подѣ стражу, что ей довольно было получить отъ кого-либо краткую телеграмму въ родѣ: „Юра одинъ“,—и она тотчасъ же понимала секретъ, заключающійся въ подобной телеграммѣ, немедленно садилась въ поѣздъ и отправлялась въ городъ, откуда была получена телеграмма, разыскивать оставшагося въ уединеніи ребенка.

¹ Десь між 1890 та 93 роками. С. Ш.

ввѣреннаго попеченію директора гимназистика поставили его сначала въ большое затрудненіе: вѣдь яблочко отъ яблони не далеко падаетъ, и сынъ преступниковъ можетъ своимъ тлетворнымъ ядомъ заразить и прочихъ учащихся! Обсудивъ опасность заразы, угрожающей цѣлому заведенію, наилучшими профилактическими средствами онъ призналъ—заключеніе нашего сына 4-го, или 5-го класса въ гимназическую больницу и затѣмъ исключеніе его изъ гимназіи. Женская гимназія того же города, гдѣ обучалась наша меньшая дочь, отнеслась къ этому иначе: педагогической совѣтъ ея, узнавъ о заключеніи родителей въ тюрьму, постановилъ освободить отъ платы за ученіе дочь нашу до окончанія ею гимназіи. Здѣсь общность родительскихъ и дѣтскихъ міровоззрѣній также признавалась, но разсматривалась подъ другимъ угломъ зрѣнія: если директоръ мужской гимназіи исходилъ изъ политическихъ и санитарно-гигиеническихъ соображеній, то педагогической совѣтъ женской гимназіи принималъ во вниманіе соціально-экономическія и семейныя условія жизни родителей и ихъ дѣтей. Но возвратимся къ прерванному разсказу и формѣ и способамъ обысковъ.

Можетъ быть разнообразіе въ обращеніи при обыскахъ зависѣло не только отъ личныхъ отношеній производящихъ обыскъ къ обыскиваемымъ, а и отъ степени преступленія, вызвавшего обыскъ; но результаты обысковъ разныхъ размѣровъ бывали всегда идентичны, представляя варианты только въ мелочахъ. Разъ, когда я жилъ одинъ, предупредительный звонокъ въ квартиру засталъ меня за писаніемъ письма передъ тѣмъ чтобы принимать ванну, которая стояла рядомъ, закрытая простынею для меньшаго охлажденія воды. Понятно, что она сохранила такой видъ и во время обыска. Полицеймейстеръ, присутствовавшій при этомъ актѣ, нашелъ нужнымъ почему-то спросить: „что это?“ и когда я ему разъяснилъ, для чего предназначалась ванна, онъ какъ невѣрующій Гома пожелалъ вмѣсто перстовъ воткнуть въ ванну свою саблю. Вынувъ ее изъ ноженъ и разрѣзавъ веревочку, сдерживавшую простыню, онъ саблею же помѣшалъ воду, совершенно чистую, и отрапортовалъ о произведенномъ дѣйствіи г-ну ротмистру выразительнымъ взглядомъ и жестомъ. Съ вынутою саблею прослѣдовалъ онъ затѣмъ съ понятыми въ сѣни и тамъ тою же саблею перемѣшалъ все содержимое ведра съ помоями. Съ видомъ, полнымъ сознанія своего геройства, возвратился онъ назадъ къ ротмистру и такъ же безмолвно одною мимикою сообщилъ ему, что ни въ ведрѣ, ни въ ваннѣ не оказалось ничего преступнаго. Сабля послѣ этого старательно была вытерта объ свитку однимъ изъ понятыхъ и водворена на свое мѣсто въ ножны. Другое употребленіе сабли мнѣ пришлось наблюдать у другого полицейскаго или жандармскаго чина, когда я не могъ никакъ найти ключа отъ шкатулки, стоявшей на комодѣ.

— Если не найдете ключъ,—сказалъ онъ,—то можно прощѣ!— и всунувъ остріе сабли около рукоятки въ щель между крышкою и нижнею частью тонкой орѣховой шкатулки, обратилъ ее почти въ щепки, а товарищъ прокурора при этомъ со вздохомъ произнесъ:

— Господи! еще письма!

Ему вѣроятно не столько жаль было орѣховой шкатулки, сколько огорчало то обстоятельство, зачѣмъ ее открыли такимъ полувоеннымъ образомъ и тѣмъ прибавили ему много лишняго труда чтенія чужихъ писемъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ выше сказано,—было ли примѣненіе холоднаго оружія при разгромѣ квартиры, или нѣтъ, результатъ получался одинъ. Разбросанныя по полу книги, переворотенныя подушки и одѣяла на кроватяхъ, иногда разрѣзанные тюфяки, разлитое чернило изъ оттолкнутой на письменномъ столѣ чернильницы, разбросанныя письма, книги

въ перемѣшку съ наволочками, снятыми съ подушекъ, съ чемоданами, съ чайною посудою, ложечками и салфетками, вынутыми изъ посуднаго шкапа,—на всѣхъ столахъ, окнахъ, стульяхъ и просто на полу... Но тѣ письма, рукописи и книги, какія по усмотрѣнію посѣтившаго квартиру начальства подлежали „выемкѣ“, укладывались обыкновенно довольно аккуратно въ какую-либо картонную коробку или просто пачку, заворачивались, перевязывались, запечатывались, записывались въ протоколъ и удалялись въ чрево китово. Владѣлецъ такимъ образомъ разгромленнаго имущества, если самъ не попадалъ въ то же время и въ то же чрево китово испытывалъ при обзорѣніи оставшагося довольно странное впечатлѣніе, смѣшанное съ желаніемъ поскорѣе заснуть, такъ какъ разгромъ по большей части оканчивался часовъ въ 4-5 утра. Подкрѣпившись сномъ и проснувшись, онъ замѣчалъ опять ту странную обстановку квартиры, въ которую привели ее незванные гости и которая при дневномъ свѣтѣ производила еще болѣе угнетающее впечатлѣніе, особенно тогда, если спавшія мирно во время обыска дѣти задавали утромъ недоумѣвающей вопросъ:

— Папа! сто это? дѣ мама?

Какъ объяснить имъ, что это—обычное условіе быта благополучнаго росіянина, безъ котораго благоустройство государства потерпѣло бы многія detrimenta? Какъ и чѣмъ объяснить, почему сегодня нельзя, какъ вчера вставши, тотчасъ же умываться, пить чай и начинать регулярно свой день, а нужно прежде всего собирать съ полу книги, наволочки и т. п.? Въ такія минуты въ сердце благополучнаго росіянина проникала злость на все окружающее—и на плачущихъ дѣтей, и на себя, и на всѣ предрержація власти, и на все, имъ принадлежащее. Въ такую минуту однажды я совершилъ гнусную экспроприацію. Убирая съ чайнаго стола вмѣстѣ съ горничною все, на немъ наваленное болѣе чѣмъ въ поэтическомъ безпорядкѣ, я замѣтилъ серебряную табашницу, вовсе мнѣ не принадлежащую. „Или товарища прокурора или жандарма или околодочнаго, что производили разгромъ!“ мелькнуло у меня въ головѣ,—и ненависть моя къ этой серебряной вещицѣ съ табакомъ и папиросами разлилась въ томъ, что я вынесъ ее на дворъ и съ силою дискотетателя бросилъ въ помойную яму¹. Удоставившись, что она глубоко ушла въ помои, и видъ ея не испортитъ мнѣ аппетита за чаемъ, я возвратился утѣшать дѣтей, и среди хаоса царившаго въ комнатѣ, усадивъ ихъ за столъ, сталъ разъяснять, что мама уѣхала (читай: „арестована!“) и что мы сами будемъ пить чай и молоко.

Когда уже кое-какъ наступила сцена семейнаго счастья, раздался звонокъ, а затѣмъ бряцаніе шпоръ. Появился молодой ротмистръ, производившій часовъ 5 тому назадъ разгромъ, и извиняясь, что беспокоитъ меня въ такой ранній часъ, просилъ меня разыскать его серебряный портсигаръ, который онъ, вѣроятно, забылъ при исполненіи своей обязанности или обронилъ, провожая, какъ слѣдуетъ джентельмену, мою жену въ тюрьму.

— Да я вѣдь только что проснулся,—говорю я:—и, какъ видите, не успѣлъ еще осмотрѣться среди этого безпорядка! Едва ли я смогу скоро найти Вашъ портсигаръ.

— Да не извольте беспокоиться; я самъ съ Вашего позволенія поищу!

— Конечно, Вы болѣе опытни въ разыскиваніи разныхъ предметовъ,—согласился я и сталъ наливать дѣтямъ молоко. Маленькая дочка моя, замѣтивъ блестяція и звеняція шпоры ротмистра, ходившаго по комнатамъ

¹ Цей фактъ свидѣть про те, як мусіли переводити труси „крамолоискатели“, коли навіть Русов,—ця надзвичайно добра й лагідна людина,—міг виявити таку злість. С. Ш.

и переворачивающаго на полу книги, гдѣ они лежали кучею, съ восторгомъ посмотрѣла на шпоры и на меня, сказавши: „цѣця!“ А я въ умѣ шепталъ себѣ одну злобную фразу: „чего ты ищешь,—не найдешь!“ Обошедши комнаты и осмотрѣвъ столы, за которыми онъ сиживалъ ночью и пересматривалъ все подлежащее и неподлежащее аресту, ротмистръ явился въ столовую и съ грустью заявилъ, что поиски напрасны.

— Не особенно, видите ли, и цѣнная вещь, но очень удобная для курящихъ,—говорилъ онъ,—и жаль, что пропала!

— Можетъ быть, Вы еще бы поискали съ моей помощью!—съ змѣинымъ участіемъ предлагалъ я.

Но тутъ явилась одна знакомая мнѣ дама и остановилась, чуть вошла въ комнату, широко раскрывъ глаза передъ необычайностью обстановки.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не смѣю мѣшать Вамъ!—отвѣчалъ на мое предложеніе ротмистръ:—да и вездѣ, гдѣ можно было, я осмотрѣлъ: нѣтъ нигдѣ! И, расшаркавшись передо мною и гостьею дамою, удалился.

— А какъ Вы думаете,—спросилъ я у пришедшей:—съ такою ли любезностью встрѣтилъ бы Васъ этотъ прекрасный молодой человекъ, если бы вы пришли не теперь, а вчера часовъ въ 10 вечера? Вѣдь тогда онъ, не стѣнясь нисколько, и Васъ привлекъ бы къ отвѣтственности за то, что Вы сюда вошли!

Я уже зналъ тогда, что крамолоискатели для болѣе успѣшнаго улова душъ и сердецъ, преданныхъ крамолѣ, пользуются тѣмъ же способомъ, какъ и птицеловы, выставляющіе чирика въ клѣткѣ; чтобы, подманивши другого, и его поймать. Такое обращеніе моей квартиры въ птицеловную клѣтку однажды имѣло мѣсто, когда закончивъ къ утру обыскъ и забравши въ тюрьму и меня и жену, непрошенные гости остались въ этой квартирѣ и все время до обѣда обыскивали всѣхъ приходившихъ къ отсутствующимъ уже хозяевамъ квартиры. Но въ данномъ случаѣ молодой ротмистръ, очевидно, отличалъ функціи визита официальнаго и того вторичнаго, когда онъ явился по своему частному дѣлу. А я; признаться, опасался за судьбу пришедшей дамы до момента, пока онъ передъ нею не раскланялся съ ловкостью почти военнаго человека. Въ тѣхъ же всѣхъ случаяхъ, когда люди приходили во время обыска, ихъ всегда приглашали оставаться до его окончанія, какъ бы это ни было для нихъ томительно. Однажды ротмистръ или полковникъ даже сильно накричалъ на унтера, который принесъ ему со своей стойки у наружныхъ дверей письмо, адресованное мнѣ. Конечно, письма этого онъ мнѣ даже и не показалъ, а прочелъ самъ, и тогда спросилъ у унтера:

— Кто принесъ письмо?

— Какой то мальчикъ!

— Гдѣ же онъ?

— Ушелъ!

— Какъ же ты, такой-сякой, смѣлъ его выпустить? и т. д.

Бросились за мальчикомъ изъ типографіи, но его уже и слѣдъ простылъ. А въ типографіи, пока не кончился у насъ обыскъ, не закончившійся впрочемъ арестомъ кого либо, вслѣдствіе сообщенія мальчика создавались цѣлыя легенды о томъ, что происходило въ нашей квартирѣ.

Самая процедура обысковъ вообще представлялась мнѣ довольно скучною, хотя неприятною и раздражающею при нелѣпыхъ вопросахъ относительно писемъ и вещей, попадающихъ въ руки жандармовъ: „это кто Вамъ пишетъ?... а это—что такое?... а это зачѣмъ у Васъ?“ Такіе и подобные вопросы, особенно оживляющіе крамолоискателей, когда попало имъ что-либо свѣжеотпечатанное или малорусское, меня утомляли,

ибо на нихъ нельзя было отвѣчать сразу, не пересмотрѣвши книги, рукописи или письма.

Усталость, и больше ничего, чувствовалась и въ тюрьмѣ на первыхъ порахъ послѣ долгаго обыска. Болѣе интересны и оживленны были допросы въ тюрьмѣ, черезъ нѣсколько дней, когда уже и жандармская и судебная власти перечитали всю массу взятыхъ ими писемъ, телеграммъ и на основаніи ихъ хотѣли сострять доказательства и подтвержденіе тѣхъ обвиненій, создать какія имъ представлялось болѣе или менѣе правдоподобнымъ.

Тутъ прежде всего предлагался печатный бланкъ вопросовъ, отвѣты на которые предлагали писать какъ можно короче и яснѣе. Въ первыхъ строкахъ бланка говорилось, что „я, такой то ротмистръ, полковникъ, или подполковникъ, такого то числа допрашивалъ такого то въ присутствіи товарища прокурора такого то“. Но на самомъ дѣлѣ большая часть бесѣдъ происходила съ товарищемъ прокурора, который спрашивалъ впередъ у жандармскаго офицера, не разрѣшитъ ли онъ ему задать нѣсколько вопросовъ, а затѣмъ почти уже самъ вель до конца свой діалогъ съ обвиняемымъ. Можетъ быть это происходило оттого, что представитель жандармеріи не могъ обнять существа такого возвышеннаго предмета, какъ „укаинофильскій сепаратизмъ“. Другое положеніе онъ испытывалъ, когда передъ нимъ сидѣлъ пойманный за печатаніемъ прокламацій или ея наборомъ съ шрифтомъ въ рукахъ. Тутъ дѣло просто: „гдѣ взяли Вы шрифтъ? Какъ смѣли печатать?“ и т. п. Но „сепаратизмъ“, да еще украинскій, или укаинофильскій—было вѣроятно нѣчто столь неуловимое, а книги и газеты украинскія Львовской печати—нѣчто столь мало понятное, что разговоры о нихъ лучше было предоставить болѣе испытанному въ пониманіи высокихъ матерій товарищу прокурора. Вѣдь вотъ лежитъ напр. какъ поличное „Веселка“, книжечка какъ будто и невинная—изъ басень, сказокъ, стиховъ; а изъ нея можетъ быть при искусныхъ вопросахъ товарища прокурора и извлечется твердое основаніе для обвиненія въ сепаратизмѣ. Пусть ужъ лучше онъ изловчается въ діалектикѣ!

Вѣроятно такія соображенія побуждали жандармскихъ чиновъ предоставлять изъ любезности преимущественное право слова чину съ судебскимъ образованіемъ. Но и совмѣстною экзегетикою оба чина доходили иногда до довольно странныхъ выводовъ. Такъ напр. послѣ обыска у меня по подозрѣнію въ томъ, что я организовалъ „укаинскую революціонную партію, посягающую на цѣлость Россійской имперіи“, какъ сказано было въ „постановленіи“, дня черезъ два оказалось, что я—привлекаюсь къ слѣдствію какъ свидѣтель, а обвиняется моя жена, среди рукописей которой была взята приготовленная ею къ печати статья о Дантѣ. Въ донесеніи изыскателей крамолы прокурору судебной палаты какъ то глубокомысленно Данте сопоставлялся съ Гаррибальди и съ поднятымъ имъ движеніемъ для освобожденія Италіи. При личномъ свиданіи съ прокуроромъ судебной палаты я его увѣрялъ указаніями на другія, уже напечатанныя статьи моей жены, что она не могла никакъ смѣшать два такіе разные періода въ исторической жизни Италіи, какъ время Данта и Гаррибальди. Не знаю, вытребовалъ ли онъ рукопись моей жены въ подлинникѣ, а не въ изложеніи ея содержанія въ слѣдственномъ донесеніи; все же въ жандармское управленіе онъ прислалъ предписаніе освободить жену мою изъ подъ предварительнаго заключенія. Но дѣло не въ такомъ *qui pro quo*, которое въ теченіе дознанія меня изъ обвиняемаго обратило въ свидѣтеля, а жену мою въ обвиняемую; а въ томъ, что знаній о развитіи національнаго укаинскаго сознанія у г.г. офицеровъ было мало и часто они не знали, какой обвинительный вѣсь

имѣть письмо отъ Д. Л. Мордовцева или Огоновскаго, текстъ телеграммы къ Лисенку и т. п.! Вставивши свой вопросъ по поводу такихъ документовъ, взятыхъ при обыскѣ, жандармскій офицеръ обыкновенно обнаруживалъ и передо мною и передъ товарищемъ прокурора свое невѣжество и полное отчужденіе отъ текущей жизни, которая для него вѣроятно исчерпывалась знаніями о томъ, что выгоды держатъ въ рукахъ: даму самъ третей, или козырнаго короля съ тузомъ?

Такъ напр. по поводу найденнаго у меня письма ко мнѣ Мордовцева старшій офицеръ (полковникъ, или подполковникъ) спросилъ меня: „Кто это—Мордовцевъ?“

— Писатель!—отвѣчалъ я коротко.

— А о чемъ же онъ пишетъ?

Я затруднился сразу отвѣчать на такой экзаменаціонный вопросъ по русской литературѣ. Но младшій ротмистръ, присутствовавшій тутъ же, совсѣмъ молодой человекъ, вырубилъ меня.

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ,—сказалъ онъ:— да Мордовцевъ обо всемъ пишетъ и такъ прекрасно и занимательно! у меня цѣлыхъ 14 томовъ его сочиненій есть, и многія изъ нихъ—просто замѣчательны!

— Нонче такъ много этихъ писателей развелось, что всѣхъ и не упомнишь!—заключилъ разговоръ старшій, желавшій очевидно, чтобы товарищъ прокурора поскорѣе перемѣнилъ тему бесѣды.

Очевидно, съ цѣлью, чтобы жандармскіе чины лучше запоминали разныя фамиліи, и былъ составленъ для нихъ тотъ „Сводъ указаній“, который помѣщенъ былъ въ послѣднихъ книжкахъ „Былого“, но вѣдь дѣйствительно трудно было упомнить всѣ эти фамиліи, а фамиліи писателей едва ли преподаются въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются главные крамолоискатели. Невѣдомы имъ были и другія фамиліи дѣятелей на полѣ самосозанія украинскаго народа.

Вотъ напр. читается мнѣ на допросѣ телеграмма моя Н. В. Лисенку по случаю его юбилея¹: „Тому, хто в нас будить надію і віру, що сили народнь ого духа не вмруть, не загинуть, пошли Боже щастя, вік довгий...“ и т. д. Курсивныя слова въ чернеткѣ моей телеграммы были подчеркнуты жандармскимъ или прокурорскимъ краснымъ карандашемъ.

— Это что?

— Какъ видите изъ подписи, моя телеграмма Лисенку, что видно изъ адреса его, написаннаго сверху. Написана же она до отправленія для подсчета числа словъ.

— А кто же это Лисенко?

— Музыкантъ.

— Что жъ онъ на скрипкѣ, или на чемъ играетъ?

— Нѣтъ, на скрипкѣ онъ не играетъ, а издалъ шесть томовъ народныхъ пѣсень; затѣмъ онъ извѣстный композиторъ оперъ, думокъ и арій на слова Шевченка и т. п.

— А что значать подчеркнутыя слова?

— Вамъ вѣроятно желательно было бы, чтобы тамъ было вставлено слово „революціонныя“ силы; но это едва ли возможно въ данномъ текстѣ, ибо тутъ могутъ подразумѣваться слова: „художественныя“, или „музыкальныя“ силы народнаго духа, но никакъ не „революціонныя“.

Впрочемъ, нѣкоторыя имена были извѣстны и г-дамъ офицерамъ, производившимъ дознанія. Такъ напр. имъ сенсаціонною показалась однажды телеграмма, въ которой стояло: „Лавровъ—для Алешни“.

— Какія сношенія Вы имѣете съ Лавровымъ?— строго спрашиваетъ офицеръ.

¹ 30 грудня 1898 р. С. Ш.

— Никакихъ!—отвѣчаю я:—его подписавшій телеграмму рекомендовалъ мнѣ для занятія должности управляющаго въ с. Алешнѣ у моихъ родственниковъ, такъ какъ онъ тогда только что окончилъ херсонскую сельско-хозяйственную школу и искалъ мѣста по своей спеціальнойности.

Собственныя же географическія имена вѣроятно въ невозвратимое время обученія въ кадетскомъ корпусѣ не очень твердо запоминаются производящими дознаніе, ибо они не знаютъ ихъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Грѣхъ этотъ раздѣлилъ съ офицеромъ и товарищъ прокурора, что обнаружилось при допросѣ по поводу письма профессора Огоновскаго, взятаго у меня при обыскѣ.

— А гдѣ живетъ этотъ Огоновскій?—спрашиваетъ у меня офицеръ.

— Во Львовѣ!—отвѣчаю я.

— Ну, ужъ въ этомъ случаѣ, Александръ Александровичъ, Вамъ совершенно бесполезно давать ложныя показанія,—вмѣшивается товарищъ прокурора:—у насъ установлено уже, что онъ живетъ въ Лембергѣ.

— Я никогда не дамъ себѣ права давать ложныя показанія, и въ настоящемъ случаѣ я далъ правдивое показаніе. Что-же касается Вашей увѣренности относительно мѣста его жительства, то я знаю даже и источникъ ея: вѣдь у Васъ—моя записная книжка, гдѣ и написано: Omelian Ogonowski—Lemberg. Galicien. Oesterreich“ и т. д.

— Да! но Вы только что сказали, что онъ живетъ во Львовѣ.

— Я и сказалъ именно то, что записано въ книжкѣ, ибо Львовъ по нѣмецки называется Lemberg.

Допрашивающіе переглянулись между собою и согласились, что пожалуй Лембергъ и Львовъ—одинъ и тотъ же городъ. Къ стыду моей almae matris, кіевского университета, я долженъ сознаться, что допрашивающій меня въ данномъ случаѣ товарищъ прокурора былъ его питомцемъ, ученикомъ профессора Кистяковскаго, и фамилія его была мнѣ знакома изъ старой кружковской жизни кіевского студенчества. Но если онъ не зналъ, что такое и гдѣ Львовъ, то очевидно приготовился къ допросу по упомянутому выше „Своду указаній“, открывшему мнѣ лишь теперь секретъ, почему при всѣхъ допросахъ, какіе мнѣ приходилось претерпѣвать, всѣ крамолоискатели неуклонно задавали мнѣ вопросъ о „старой громадѣ“. И этотъ „товарищъ“ послѣ разъясненія содержания многихъ писемъ, также довольно побѣдоносно спросилъ меня:

— Изъ всего до сихъ поръ разслѣдованнаго видно, что Вы конечно знаете весь составъ „Старой громады“.

— Я прежде всего не понимаю вопроса Вашего,—отвѣчалъ я.—Мнѣ извѣстны многія сотни и даже можетъ быть тысячи „громадъ“, съ экономической жизнью многихъ изъ нихъ я знакомился по своей обязанности; но такого сочетанія словъ, какъ „старая громада“ я не понимаю: „старая“ можетъ быть шинель, книга, но „громада“ всегда возобновляется и постарѣть не можетъ...

— Такъ Вы говорите, что Вамъ извѣстны и другія громады!—перебилъ товарищъ:—не можете ли ихъ перечислить?

— Это—очень трудно и даже невозможно, ибо сколько есть городовъ и другихъ населенныхъ пунктовъ,—столько и громадъ. Если бы Вы мнѣ сейчасъ предложили писать къ кому-либо въ Петербургъ, то я несомнѣнно началъ бы его фразою: „Як почуваетъ себе Петербурська громада?“, а въ другой городъ я написалъ бы „Лубенська, Полтавська“ громада, что въ переводѣ и значило бы: „каково настроеніе Вашего мѣстнаго общества?“

— Значитъ, Вы хотите сказать, что это имя нарицательное. А какъ Вы объясните бланкъ вотъ этого письма?

Тутъ онъ мнѣ показаль чье-то письмо изъ Львова ко мнѣ, писанное на листкѣ почтовой бумаги, гдѣ на передней сторонкѣ вверху отпечатанъ былъ портретъ Драгоманова или Шевченка, а на четвертой сторонѣ внизу пропечатано: „на користь Львівської академічної громади“.

— Здѣсь несомнѣнно „громада“ не нарицательное, а собственное имя.

— Очень можетъ быть, что при какой либо академіи во Львовѣ, или какъ теперь выяснилось—въ Лембергѣ, есть и какая нибудь „громада“, т. е. „общество“. Поэтому то я и говорю, что „громадъ“—много и знать личный составъ каждой изъ нихъ—совершенно невозможно.

Товарищъ прокурора разсердился и сказалъ внушительнымъ тономъ: —Вы можете, въ качествѣ обвиняемаго отказываться отъ отвѣта на данный вопросъ; на это Вы имѣете право! Но затуманивать свои отвѣты какими-то элюкубраціями въ область грамматики или географіи, мнѣ кажется не позволить себѣ ни одинъ уважающій себя человекъ, въ особенности въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ настоящее!

Раздражительный тонъ товарища все таки не вывелъ меня изъ равновѣсія, и я спокойно отвѣчалъ:

— Я, Ваше Высокоблагородіе, понимаю всю серьезность и важность дѣла, которымъ мы теперь заняты. Я считаю, что оно дѣлаетъ мнѣ величайшую честь: „посягнуть на цѣлость Россійской имперіи“ не рѣшаются сосѣдніе императоры, имѣющіе въ своемъ распоряженіи громадныя арміи; мнѣ же одному въ вашемъ обвиненіи приписывается эта смѣлость. Въ обвиненіи этомъ говорится сверхъ того, что именно я организоваль ту революціонную партію, которая намѣрена измѣнить границы существующихъ государствъ; но такъ какъ усиліями одного лица этого сдѣлать нельзя, а нужно составить многочисленную партію, то я опять ходатай-

* Теперь, когда уже нѣтъ никакой старой громады, а на Украинѣ при нѣсколько болѣе свободныхъ условіяхъ въ разныхъ мѣстахъ народилось много украинскихъ теченій, можно признаться, что товарищъ прокурора былъ правъ, ибо и онъ, какъ Кіевлянинъ, зналъ, что я только собрался уклониться отъ отвѣта, чтобы не солгать совершенно явно. Но что она была дѣйствительно правильно организованною партією съ опредѣленною програмою человекъ въ 70, а съ молодежью, допускавшейся на ея собранія и до 200 душъ обоего пола, можетъ служить сохранившаяся у меня фотографическая группа, какую я и представляю въ распоряженіе редакціи „Былого“. Время снятія этой фотографіи, если не ошибаюсь—1872—1873 годъ, когда въ громаду принято было значительное число молодежи изъ только что кончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній. Конечно, многихъ членовъ иногороднихъ и не бывшихъ въ данный моментъ въ Кіевѣ, нѣтъ на этой фотографіи. По указанной выше причинѣ я не помню фамилій нѣсколькихъ человекъ изъ младшаго поколѣнія, почему и не могу ихъ назвать.

Разгромъ Старой громады произошелъ послѣ 1876 года, когда мало по малу члены ея были высланы изъ Кіева, кто въ Псковъ, кто въ Петербургъ или Москву, или и въ болѣе отдаленныя мѣста. Но смерть ея была не скоростипжна, а происходила „подъ неуклоннымъ дѣйствіемъ разныхъ мѣропріятій сверху. Горькія жалобы Драгоманова на неакуратную поддержку изданія „Громады“ за границею относились уже къ нѣсколькимъ лицамъ, изнемогшимъ въ борьбѣ, но оставшимся на посту при вынужденныхъ болѣе скромныхъ предпріятіяхъ послѣдующаго періода, когда могла появиться и „молода громада“.

Не нужно забывать того положенія, которое занимала „Громада“ въ 70—80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Хотя генераль-губернаторъ Чертковъ и...¹ называли ее центральнымъ комитетомъ украинской партіи, но, не имѣя ни малѣйшаго права существовать, какъ публичная организація, и обладая лишь заграничнымъ (слѣд. „запрещеннымъ“) органомъ для ознакомленія украинскаго общества (и только въ полной мѣрѣ въ Галичинѣ) съ своими идеалами, „Громада“ сознавала себя тайнымъ кружкомъ заговорщиковъ; открытое признаніе существованія такого кружка, конечно, повлекло бы къ повальному привлеченію всѣхъ къ отвѣтственности и жандармской волокитѣ. Ясно поэтому, что всякій подвергшійся этой волокитѣ, могъ отвѣчать только за себя, но ни въ какомъ случаѣ не за цѣлую корпорацію. Оттого никакъ нельзя было признать существованія организаціи, и не смотря на аресты и разспросы многихъ ея членовъ крамолоискателямъ не удавалось найти искомаго. Выражаясь по терминологіи XX вѣка, „громадяне“ называли себя „безпартійными“. Напоминаетъ выборы въ 3-ью Думу, гдѣ было столько безпартійныхъ.

¹ В рукопису пропуск.

ствую передъ представителемъ жандармскаго управленія назвать мнѣ по именамъ и фамиліямъ тѣхъ заговорщиковъ, которые якобы подъ моимъ руководствомъ начали организацію подобной партіи. Дѣло дѣйствительно очень серьезное и важное, и я настаиваю на томъ, чтобы мнѣ дана была очная ставка съ этими лицами. Что же касается отвѣтовъ моихъ на Ваши вопросы, то мнѣ хорошо извѣстны права и обвиняемыхъ и свидѣтелей, а такъ какъ г. прокуроръ судебной палаты мнѣ сообщилъ, что въ настоящемъ дѣлѣ я являюсь только свидѣтелемъ, а не обвиняемымъ, то я и не отказываюсь отъ отвѣта, а даю опредѣленный отвѣтъ, что не понимаю вопроса, а на непонятый вопросъ отвѣчать нельзя.

Такая моя реплика произвела ошеломляющее дѣйствіе на товарища прокурора. Дѣло въ томъ, что повѣстки явиться на допросъ присылались мнѣ, какъ „обвиняемому“, а въ донесеніяхъ прокурору судебной палаты я аттестовался, какъ свидѣтель, и когда я пришелъ къ нему, онъ пожимая плечами говорилъ мнѣ, что никакъ не можетъ понять содержания всего дѣла, гдѣ я являюсь свидѣтелемъ, а обвиняются такія-то лица. Среди нихъ были нѣкоторые мои знакомые, а большинство (напр., начальникъ какой-то тюрьмы) совсѣмъ были мнѣ неизвѣстны.

Товарищъ прокурора замыаясь съ отвѣтомъ на мою просьбу; а жандармскій офицеръ постарался смягчить раздражительный тонъ коллеги, перешедши на болѣе мягкой.

— Это вѣрно, Александръ Александровичъ, что Вы уже заявляли просьбу объ очной ставкѣ съ Вашими единомышленниками. Но вѣдь Вы же знаете, что по обычаю нашего вѣдомства всякое предварительное дознаніе производится самымъ секретнымъ образомъ*. Дѣло это—обширное, ведется во многихъ губерніяхъ, и до окончательнаго выясненія всѣхъ участвующихъ въ заговорѣ мы не имѣемъ права кому-либо изъ заподозрѣнныхъ въ преступленіи сообщать имена другихъ ихъ сообщниковъ. Вы можете приложить Ваше ходатайство объ очной ставкѣ къ настоящему протоколу, и когда дѣло предварительнаго дознанія перейдетъ въ стадію судебного слѣдствія, то нѣтъ сомнѣнія, что Ваше ходатайство будетъ уважено!

Такимъ оборотомъ рѣчи г. полковникъ устранилъ тотъ раздраженный тонъ, какой появился какъ-то нечаянно въ мирной бесѣдѣ „уважающихъ себя“ представителей интеллигенціи.

Но бывало въ иныхъ случаяхъ и такъ, что высокій тонъ верхняго регистра при экспрессіи fortissimo являлся уже съ первыхъ фразъ допроса со стороны опрашивающаго начальника, считающаго своей обязанностью прикрикнуть на подчиненнаго допрашиваемаго. Это имѣло мѣсто напр. въ Екатеринославѣ¹, гдѣ я привлеченъ былъ къ бесѣдѣ совершенно случайно въ отсутствіи товарища прокурора и безъ составленія протокола. Тутъ офицеръ безъ всякаго предисловія началъ выкрикивать фразы въ родѣ: „Вы возбуждаете народъ къ бунту! Ваше участіе во многихъ злоумышленіяхъ несомнѣнно доказано! Вы будете отвѣчать по всей строгости законовъ! За чѣмъ Вы сюда прѣехали? Мы слѣдимъ за всѣми этими развѣздами!“

Я сначала ждалъ болѣе опредѣленнаго заявленія или вопроса, но когда распекающій меня начальникъ усилилъ свои окрики ударомъ кулака по столу, за которымъ мы сидѣли, я прервалъ его изліянія совершенно спокойнымъ голосомъ.

— Я не понимаю, г. ротмистръ,—сказалъ я,—какая охота Вамъ говорить со мною такимъ повышеннымъ тономъ и такъ тревожить себя. Но дол-

* И дѣйствительно всѣ повѣстки съ предписаніемъ явиться на допросъ всегда носили сверху отмѣтку: „секретно“.

¹ Рѣк точно встановити ми тепер, на жаль, не можемо (1882—89). С. Ш.

жень Васъ предупредить, что если Вы будете продолжать въ такомъ же тонѣ Ваши вопросы, то я принужденъ буду отказать себѣ въ удовольствіи давать Вамъ отвѣты.

Это немного расколодило допрашивающаго и онъ, понизивъ тонъ, замѣтилъ, что не до формы выражений, когда говорится о важной сущности дѣла. Сущность же его состояла въ томъ, что я пріѣхалъ въ Екатеринославъ по просьбѣ тамошнихъ статистиковъ помочь имъ въ совѣщаніи ихъ по составленію программы подворнаго описанія селеній этой губерніи. Разъясненіе этой сущности могло бы произойти при помощи простой справки въ губернской управѣ, зачѣмъ я присутствую тамъ на засѣданіяхъ статистиковъ, — совершенно безъ вызова меня на допросъ и безъ грозныхъ застрашиваній меня отвѣтственностью „по всей строгости законовъ“.

Вообще меня часто ставили въ недоумѣніе такія или иныя дѣйствія охранителей порядка. Разъ напр. въ Херсонѣ въ мое отсутствіе они безъ меня осматривали со свѣчею погребъ моей квартиры и сообщили моему брату, присутствовавшему при этомъ, что изъ этого погреба могъ быть произведенъ подкопъ подъ казначейство для его ограбленія, ибо такое ограбленіе имѣло мѣсто въ Херсонѣ нѣсколько лѣтъ назадъ. Когда въ томъ же Херсонѣ на окраинѣ во время большого пожара толпа, разсвирѣпѣвшая отъ того, что ей не позволяли брать воду изъ водопроводныхъ крановъ, высадила изъ коляски вицегубернатора, пріѣхавшаго на пожаръ водворять порядокъ, и чуть ли не побила его, — меня отъ преслѣдованій спасло лишь то, что я въ тѣ дни лежалъ не выходя никуда изъ дому и стоналъ отъ страшныхъ болей въ рукѣ, пораженной флегмоной. Хотя объ этомъ пожарѣ и всемъ случившемся тамъ я узналъ позже, но такъ какъ на немъ произошло народное возстаніе противъ власть предержащихъ, то въ городѣ стали поговаривать, что это возстаніе организовалъ я. Въ такомъ же родѣ и полтавскіе Бобчинскіе и Добчинскіе, когда тамъ начались аграрныя волненія, на раутѣ у предводителя дворянства, увѣряли министра Плеве, что организаторомъ возстанія былъ никто, какъ „статистикъ“ Русовъ. Эти наговоры привели къ извѣстному докладу г. министра, напечатанному въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ за май 1902 г. о вредности статистики вообще.

Я и до сихъ поръ не могу уяснить себѣ окончательно, по какому поводу возникли обвиненія, адресованныя ко мнѣ, совершенно ни на чемъ не основанныя, но вызывавшія обыски, а иногда и аресты. Мнѣ приписывали, напр., составленіе малограмотныхъ прокламацій, гектографированныхъ и печатныхъ, сочиненіе книжки подъ заглавіемъ „Дядько Дмитро“ и т. п. Являлась у меня лишь догадка, что нѣкоторые изъ моихъ „товарищей“ по службѣ дѣлали несуразные доносы на меня въ департаментъ полиціи, или въ мѣстныя жандармскія управленія. Эта догадка явилась у меня однажды потому, что одинъ мой знакомый, разговаривавшій со мною не иначе какъ по-малорусски, встрѣтивъ меня на улицѣ и сообразивъ по расположенію улицъ, что я возвращаюсь изъ жандармскаго управленія съ допроса, спросилъ меня ex abrupto даже не раскланиваясь со мною:

— А що, дядько Дмитро! Ви ще й досі не в дядьковій хаті?

Для незнакомыхъ съ малорусскимъ языкомъ нужно пояснить, что „дядьковою хатою“ у насъ называютъ тюрьму, а въ книжкѣ „Дядько Дмитро“, отъ имени послѣдняго, разъясняется несправедливость раскладки налоговъ, податей, акцизныхъ и др. сборовъ, падающихъ большею тягостью на бѣдныхъ, и совсѣмъ незначительныхъ для богатыхъ, почему книжка эта считалась запрещенною. Сопоставленіе вышеприведеннаго

привѣтствія съ тѣмъ, что на допросѣ меня спрашивали, не я ли составилъ эту книжку, внушило мнѣ подозрѣніе въ томъ, что и этотъ „товарищъ“ могъ донести на меня.

Но я уклонился въ сторону, приводя случаи, не относящіеся къ допросамъ въ жандармскихъ управленіяхъ, на которыхъ приходилось выяснять, спрашиваютъ ли тебя, какъ свидѣтеля или какъ обвиняемаго? Однажды въ Одессѣ, гдѣ мнѣ по полученіи повѣстки пришлось очень долго разыскивать помѣщеніе жандармскаго управленія, которое я нашелъ лишь послѣ вторичной болѣе настоятельной повѣстки*, я почему-то прежде всего пожелалъ узнать свое положеніе и получилъ отвѣтъ:

— Вы будете допрашиваться какъ свидѣтель.

— Въ такомъ случаѣ позвольте узнать, по какому дѣлу я буду свидѣтелемъ и кто обвиняемый, противъ котораго я буду свидѣтельствовать?

— Да зачѣмъ же Вамъ знать это? Отвѣчайте на вопросы просто какъ свидѣтель!

Это поставило меня въ тупикъ, и я хотѣлъ было отказаться отъ показаній по неизвѣстному для меня дѣлу и про неизвѣстнаго мнѣ обвиняемаго. Но любопытство узнать, какое дѣло затѣяно въ канцеляріи жандармскаго управленія, пересилило, и я покорно взялъ перо и знакомый мнѣ бланкъ. Прописывать между печатными строками опредѣленные начальные отвѣты я вообще хорошо умѣлъ, по предыдущей практикѣ, почему одинъ разъ даже изумилъ товарища прокурора когда на вопросъ „гдѣ воспитывался?“ я написалъ не только „въ Кіевскомъ университетѣ Св. Владиміра“, но и продолжалъ писать: „послѣ чего служилъ учителемъ гимназіи и былъ командированъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу для ознакомленія съ постановкою школьнаго дѣла въ Германіи и Австро-Венгріи...“

— Да, позвольте: что это Вы тутъ такъ долго пишете?—спросилъ „товарищъ“.

— Просто для большей связности, ибо я знаю, что слѣдующій вопросъ будетъ: „Не бывалъ ли за границей и когда?“ Вотъ я поставлю здѣсь запятую и буду продолжать противъ слѣдующаго пункта: „гдѣ и пробылъ...“ и т. д.

— Очевидно, Вамъ этотъ бланкъ очень знакомъ, — саркастически сказалъ „товарищъ“:—и вѣроятно дальше мы увидимъ большую цифру противъ вопроса: „Сколько разъ Вы были подъ судомъ?“

— О, нѣтъ: подъ судомъ я никогда не былъ, а на вопросы при дознаніяхъ отвѣчалъ письменно много разъ, почему и знакомъ въ совершенствѣ съ этимъ бланкомъ!—отвѣчалъ я.

Товарищъ прокурора нахмурился: ему, какъ представителю суда, вѣроятно было непріятно услышать, что я знаю, что дѣла такъ называемыя „политическія“ не доходятъ до слѣдствія и суда. Непріятно было также всегда „товарищамъ“ встрѣтиться съ непониманіемъ вопросовъ, какіе для меня, прошедшаго университетскій курсъ, казалось имъ, должны быть совершенно понятны. Я любилъ напр. останавливаться на вопросѣ о моей національности: какъ понимать его? Предки мои были родомъ изъ Костромской губерніи, а болѣе древніе—изъ Новгородской; фамилія Русовыхъ распространена и среди нѣмцевъ въ Помераніи; по убѣжденіямъ и симпатіямъ я—украинецъ; родился и воспитался въ Кіевѣ: „что же мнѣ прикажете здѣсь писать?“ спрашивалъ я. Это возбуждало иногда пререканія между товарищемъ прокурора и офицеромъ, и какъ они рѣшали

* Нашелъ я его и второй разъ случайно, замѣтивъ особо краснорѣчивое объявленіе на доскѣ, прибитой у забора. Текстъ его былъ слѣдующій: „Здѣсь строго воспрещается останавливаться и отправлять всѣ свои естественныя надобности“.

этотъ вопросъ, такъ я и писалъ. Но еще болѣе затрудненій вызывала дальнѣйшій пунктъ допроса: „принадлежите ли Вы къ соціальной революціонной партіи, имѣющей въ виду въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ...“ и т. д. По дѣлу „о посягательствѣ на цѣлость Россійской имперіи“ я оказался совершенно непонятливымъ при отвѣтѣ на этотъ вопросъ и сообщилъ, что я совершенно его не понимаю.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! Человѣкъ съ Вашимъ развитіемъ не можетъ не понимать, что такое соціальная революція!—возразилъ товарищъ прокурора.

— Вотъ въ томъ то и дѣло,—сказалъ я,—что для соціальной революціи едва ли цѣлью можетъ быть измѣненіе границъ существующихъ государствъ, а мнѣ обвиненіе предъявлено въ намѣреніи нарушить цѣлость границъ Русскаго государства. Текстъ вопроса, какъ онъ напечатанъ,—я понимаю, но въ примѣненіи его къ моему преступленію никакъ въ толкъ не могу взять!

— Да развѣ Вы не видите, что это общій бланкъ, по которому ведутся допросы по преступленіямъ разнаго рода. А вѣдь революція—соціальная она или политическая—во всякомъ случаѣ государственное преступленіе!

— Бываетъ и экономическая революція!—глубокомысленно вставилъ свое слово офицеръ.

— Такъ какъ же быть? не прикажете ли въ бланкѣ зачеркнуть слово „соціальной“?—спросилъ я.

— Нѣтъ, этого нельзя!

Теперь я не помню, какъ мы втроемъ вышли изъ этого затрудненія. Помню только, что разсужденія о революціяхъ разнаго сорта заняли нѣсколько времени у моихъ собесѣдниковъ.

Послѣ уставныхъ, или печатныхъ вопросовъ слѣдовали устные вопросы, вызываемые содержаніемъ взятыхъ писемъ, телеграммъ, рукописей, книгъ и т. п. Отвѣтовъ приходилось писать десятки, чуть не до сотни по поводу каждаго выраженія, изобличающаго меня въ украинофильствѣ или въ сепаратизмѣ. Иногда, разспрашивая отдѣльно по каждому вопросу, производящіе дознаніе не принуждали меня тотчасъ же писать отвѣты, а давали бумагу въ тюрьму, чтобы я позже въ болѣе связномъ изложеніи написалъ о томъ, о чемъ они разспрашивали.

О чемъ же разспрашивали и что желали узнать разслѣдователи украинской крамолы?

Кажется, всегда ихъ задачею было заставить сознаться, что украинскіе крамольники желаютъ отдѣленія Украины отъ Русскаго государства въ особое самостоятельное государство съ своимъ гетьманомъ, своими посланниками и консулами въ чужихъ государствахъ, со своею монетною системою, своимъ особымъ войскомъ и т. д. Поэтому выраженія въ письмахъ или телеграммахъ ко мнѣ, въ родѣ—„все что ведетъ къ свѣту и свободѣ“, „родная наука и родная страна“, „дорогая родина“, „на пользу родного края“, или „народа“, а тѣмъ паче „родная Украина“, „національное самосознаніе“, „украинскій вопросъ“ и т. п. вызывали подробные разспросы: какъ понимать эти выраженія? При моемъ обычаѣ не уничтожать писемъ и телеграммъ и при моей словоохотливости, такихъ такъ называемыхъ „компрометирующихъ“ фразъ при каждомъ допросѣ оказывалось достаточно, а бесѣды бывали очень продолжительны, такъ какъ исходныя точки зрѣнія моихъ допрашивателей и мои были ужасно далеки и нужно было употребить много времени, чтобы мы могли наконецъ понимать другъ друга.

Мнѣ напр. случалось говорить, что для меня не существуетъ „украинскаго вопроса“, ибо такой вопросъ о существованіи украинскаго народа

можетъ существовать лишь у людей, вовсе незнакомыхъ съ географіей и статистикой и полагающихъ, что такого народа вовсе нѣтъ, а съ другой стороны мнѣ и не зачѣмъ проповѣдывать „сепаратизмъ“, такъ какъ онъ на дѣлѣ существуетъ въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ народа, существованіе котораго я никакъ отрицать не могу. Тутъ появлялись на лицахъ допрашивающихъ торжествующія мины: имъ казалось, что наконецъ имъ удалось добиться „признанія“ преступленія со стороны самого допрашиваемаго преступника.

— Вотъ въ этомъ то именно Вы и обвиняетесь, что признаете сепаратизмъ и работаете для распространенія сепаратистическихъ ученій!

— Не понимаю, какъ я могу быть обвиняемымъ въ этомъ! Тогда обвинять слѣдуетъ весь народъ, который говоритъ на своемъ языкѣ, держится своихъ нравовъ и обычаевъ, имѣетъ свои экономическія нужды, отличныя отъ нуждъ другихъ народовъ, но никакъ не меня, занятаго своею канцелярскою работою, которая не отличается отъ работы англійскаго или нѣмецкаго статистика.

— Но вѣдь кромѣ занятій статистикою, какъ видно изъ Вашей переписки, Васъ интересуютъ и такія сочиненія Вашихъ единомышленниковъ, какъ напр. „Життя в горахъ сибирськихъ“, „Чабан“, „Козлиха“, „Строгий“, „Підлиповці“, „Страшна кара“ и т. п.; Вамъ пишутъ о другихъ, уже напечатанныхъ книгахъ, драмахъ, повѣстяхъ на малорусскомъ языкѣ просьбы, чтобы Вы пристроили ихъ въ книжный магазинъ и т. п.; въ письмахъ, писанныхъ Вамъ, постоянно встрѣчаются слова „украинскій народъ“, „украинскія книги“, „украинскія пѣсни“ и т. д., точно для Васъ и не существуетъ никакого другого народа, а только одинъ украинскій. Какъ же Вы можете отказываться, что не работаете въ пользу украинскаго сепаратизма?

— Да я не отказываюсь, что эти письма ко мнѣ направлены. Авторы ихъ хотятъ: одни—чтобы написанныя ими повѣсти, драмы, стихи и т. п. были напечатаны, другіе—чтобы напечатанныя сданы въ продажу. Что же тутъ удивительнаго? Они знаютъ мое сочувствіе развитію украинской словесности, потому и обращаются ко мнѣ.

— Ну, а Вы что же дѣлали въ отвѣтъ на эти письма?

— Да, очевидно, исполнялъ ихъ просьбы и порученія, но въ чемъ же тутъ можно обвинять меня?

— Да, понятно, что въ сепаратизмѣ! О чемъ же тутъ говорить?

— Если существующій въ дѣйствительности сепаратизмъ украинскаго народа есть преступленіе, то значить весь народъ—преступники, а не я одинъ. Если же Вы хотите меня и то теченіе, которому я сочувствую, обвинить въ политическомъ преступленіи, то гдѣ же у Васъ на то доказательства? Мы вѣримъ, что народъ, чувствуя на себѣ гнетъ, несомнѣнно имѣетъ желаніе освободиться отъ него и стремится къ свободѣ; онъ и добьется ея, а мы тутъ—не при чемъ. Но у главныхъ проповѣдниковъ нашей вѣры и выразителей народныхъ стремленій развѣ есть гдѣ нибудь декларация объ отдѣленіи въ особое государство? Эти проповѣдники: поэтъ Шевченко и публицистъ Драгомановъ. Найдите въ сочиненіяхъ обоихъ хоть строчку, гдѣ было-бы выражено такое желаніе! Въ письмахъ ко мнѣ также нигдѣ нѣтъ ничего подобнаго; если же въ нихъ много говорится объ Украинѣ, то Вы совершенно правы, что для меня не существуетъ другого народа, какъ тотъ, который меня вскормилъ и воспиталъ. Я знаю, что есть напр. португальцы, испанцы, но интересы этихъ народовъ для меня совершенно отсутствуютъ. Помогать изданію или распространенію португальскихъ или испанскихъ книгъ и газетъ я никакъ не могу...

— Но чего жъ Вы хотите достигъ изданіемъ и распространіемъ этихъ книгъ? Можетъ быть Вы желаете даже, чтобы всякій Вашъ хохоль читалъ и книги и даже газеты на своемъ языкѣ?

— Несомнѣнно желаю, и уже по порученію двухъ земствъ губерній Херсонской и Черниговской—составлялъ разчисленія, во что обойдется для этихъ губерній устройство такого количества школъ, при которомъ возможно было бы всеобщее обученіе, а слѣдовательно и всеобщая грамотность.

Тутъ уже мы переставали понимать другъ друга, ибо всеобщая грамотность и чтеніе украинскими крестьянами газетъ на своемъ родномъ языкѣ товарищамъ прокуроровъ и ротмистрамъ второй половины XIX вѣка казались такою недѣльностью, какъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка помѣщикамъ—отобраніе у нихъ крѣпостныхъ, или какъ нѣкоторымъ публицистамъ еще далѣе 60-х годовъ—мысль, что дѣвушки могутъ быть учительницами въ сельскихъ школахъ. Циническія издѣвательства и разговоры, какіе возникали между допрашивающими по этому поводу относительно „хохла“, заставляли меня перебивать ихъ задушевные изліянія вопросомъ: „О чемъ еще Вамъ угодно спросить меня?“ Мнѣ, конечно, было крайне непріятно ощущать себя въ положеніи оратора, объясняющаго глухонѣмому отъ рожденія красоты сочетанія звуковъ въ симфоніяхъ Бетховена, или слѣпому красоту подобранныхъ цвѣтовъ въ роскошномъ букетѣ. При подобныхъ разговорахъ на общія темы одинъ изъ моихъ оппонентовъ товарищъ прокурора пустился однажды въ философію, какою заражены были тогда довольно многіе интеллигенты подъ вліяніемъ изобрѣтенія volapuk'a и esperanto.

— Вѣдь вотъ Вы утверждаете, что особый малорусскій языкъ есть и что отъ развитія его кому то будетъ лучше; а наиболѣе новыя ученія говорятъ, что не только Ваша ничтожная малорусская литература исчезнетъ, но даже и болѣе развитые языки, какъ напр. обще-національный русскій и другіе нынѣ государственные языки, сольются въ одинъ общечеловѣчскій языкъ. Не лучше ли поѣтому было бы заботиться о сліяніи языковъ, чѣмъ о раздробленіи ихъ на много совершенно излишнихъ нарѣчій?

— Въ такомъ случаѣ мнѣ съ Вами пришлось бы условиться прежде всего, на какомъ языкѣ давать мнѣ показанія: на латинскомъ ли, общемъ для образованныхъ людей Европы, или признать за *Langue universelle*—китайскій или англійскій, на которомъ говорить наибольшее число людей? Если бы я сталъ отвѣчать на Ваши вопросы какъ съумѣю по-латыни, то едва ли бы Вы согласились меня выслушивать!

— Зачѣмъ же латинскій? есть уже esperanto...

— Знаю, что есть; знаю, что и слово это обозначаетъ „надежду“ на то, что когда-то всѣ народы усвоятъ корни словъ романскихъ народовъ; но я, напр., питаю другую надежду (не принимая во вниманіе ни китайцевъ, ни персовъ, для которыхъ esperanto такъ же неизвѣстенъ, какъ и латинскій языкъ), что и украинская литература разовьется, несомнѣнно, до степени, при которой на ней будутъ выражаться всѣ оттѣнки общечеловѣческихъ знаній. И опять спрашиваю Васъ, какое преступленіе я совершилъ, обладая такою вѣрою и надеждою? Я препровожденъ былъ въ тюрьму для того, чтобы „не могъ скрыть преступленія, предусмотрѣннаго ст. 218 Уложенія о наказаніяхъ“, но изъ всѣхъ Вашихъ вопросовъ не вижу и намека на то, чтобы уличить меня въ преступленіи ни противъ этой, ни противъ какой бы то ни было статьи закона. Развѣ есть законъ, воспрещающій говорить или писать на языкѣ, относительно развитія котораго въ будущемъ у меня есть вѣра и надежда, явившіяся вслѣдствіе того, что я получилъ филологическое образованіе?

— Но вѣдь Вы же хотѣли составить по малорусски книжку по политической экономіи, и не отказываетесь отъ этого!

— И не отказываюсь, но утверждаю, что нѣтъ ни одной статьи какого-бы то ни было закона, воспрепятствующей составлять книги по политической экономіи! Вы утверждаете, что цѣль составленія подобной книжки была познакомить народъ „съ давленіемъ, оказываемымъ на него правящими классами, и тѣмъ подготовить его къ измѣненію въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ существующаго порядка государственнаго управленія“. А я отвѣчаю, что такой цѣли и быть не могло. Народъ узнаетъ не изъ книжекъ о давленіи, производимомъ на него правящими классами, а изъ ежедневныхъ столкновеній съ этими классами, и ему разсказывать объ этомъ нечего. Не знаетъ же онъ, какъ угнетаютъ его иностранные конкуренты по земледѣлію, торговлѣ и промышленности; а въ политической экономіи разъясняются отношенія между добывающею, перерабатывающею и передающею промышленностью, и это народу нужно знать, чего не можетъ отрицать и вѣдомство, называющее меня революціонеромъ. Какова будетъ тенденція данной книжки по политической экономіи и какія тенденціи въ области этой науки должны почитаться преступными, правительство опредѣлить не можетъ, а потому и статьи, опредѣляющей преступленіе, на которое Вы указываете, также быть не можетъ. Знать о томъ, будетъ ли книжечка, какую я хотѣлъ бы составить,—цензурна или нецензурна, также ни Вы ни я впередъ сказать не можемъ. А доказательствомъ, что книги по политической экономіи не представляютъ ничего законопреступнаго, можетъ служить и то, что взятые у меня учебники Иванюкова и Мистрисъ Фоусетъ, которые г. жандармскій офицеръ считалъ для меня главною уликою въ моемъ преступленіи, объ напечатаннѣ съ одобренія цензуры!

Грознѣе, конечно, выражались крамолоискатели, и скромнѣе отвѣты приходилось давать тогда, когда рѣчь шла не о политической экономіи, а о взятыхъ при обыскѣ малорусскихъ книгахъ заграничнаго изданія*. Много ихъ осталось во владѣніи Харьковскаго губернскаго жандармскаго управленія, когда земляки изъ Галичины прислали намъ 3¹/₂ пуда своихъ книжекъ, газетъ и журналов¹. Тутъ были и переложеніе Донъ-Кихота на украинскій языкъ въ стихахъ, и дѣтскіе журналы въ родѣ „Дзвінка“, и разныя статьи политическаго и экономическаго содержанія, и юмористическіе журналы, наконецъ нѣчто ужасное—журналъ „Громада“ Драгоманова и Волкова въ нѣсколькихъ экземплярахъ! Тутъ уже была явная крамола! Ссылки на то, что именно въ этихъ книжкахъ заключается, и какіе бы то ни было доводы хотя бы изъ области понятій и построеній, чуждой прокурорамъ и подполковникамъ, были совершенно излишни: одно имя Драгоманова служило достаточнымъ для изготовленія состава преступленія. Въ этомъ случаѣ мнѣ впрочемъ пришлось бесѣдовать съ тогдашнимъ прокуроромъ Судебной палаты, извѣстнымъ криминалистомъ Закревскимъ, богатымъ помѣщикомъ Полтавской губерніи. Онъ и самъ признавалъ себя до извѣстной степени украинофиломъ, но стоящимъ на другой точкѣ зрѣнія. По его мнѣнію, мы жили въ періодъ, когда украинское національное самосознаніе не нарождается, а уже умираетъ или даже умерло, оставивъ по себѣ лишь слабые отзвуки въ „исчезающихъ“ пѣсняхъ.

— Вѣдь и я люблю украинскую пѣсню, но гдѣ и когда? Когда выѣдемъ въ глубь степи подальше отъ села и когда тамъ услышишь ее,

* Я пробовалъ разъ утверждать, что заграничныя изданія—не запрещены, ибо они не разсматривались еще цензурою; но—это ни къ чему.

¹ Десь між рр. 1890—1893. С. III.

какъ воспоминаніе о быломъ нашего народа *; но то, чего Вы добиваетесь, я не могу считать сколько-нибудь плодотворною для кого-либо работою.

— А если я, Ваше Превосходительство, люблю эту пѣсню, какъ залогъ будущаго развитія нашего народа, какъ основу для художественнаго вдохновенія и творчества будущихъ нашихъ композиторовъ, то вѣдь и я и Вы исходимъ изъ однихъ и тѣхъ же симпатій, которыя не могутъ быть преступными, ибо ничьихъ интересовъ не нарушаютъ...

— Да, все это хорошо, но то, что проповѣдуетъ Драгомановъ, со статьями котораго я имѣлъ случай познакомиться за границею...

— И что же онъ преступнаго проповѣдуетъ?—перебилъ и я въ свою очередь г. прокурора. Но увя! изъ дальнѣйшихъ разговоровъ я узналъ то, чего лучше было бы мнѣ и вовсе не узнавать. Начитанный въ предметъ своей специальности землякъ мой очевидно и поверхностно не былъ знакомъ съ сочиненіями также земляка своего Драгоманова, и едва ли прочелъ хоть какую-либо статью его о федерализмѣ и автономіи. Можно ли было продолжать бесѣду съ лицомъ, не поинтересовавшимся даже при такомъ удобномъ случаѣ заглянуть въ конфискованныя у насъ книги и статьи Драгоманова? Но онъ желалъ, чтобы ему подана была мотивированная записка, объясняющая ту точку зрѣнія, согласно которой мы считали, что изданіе и распространеніе книгъ на украинскомъ языкѣ не только не бесполезно, но даже желательно. Это, говорилъ онъ, поможетъ ему ориентироваться въ томъ фактѣ, который повлекъ за собою заключеніе въ тюрьму меня и моей жены.

Жена моя и написала такую подробную записку, въ которой доказывала, что ни свобода религіозной совѣсти, ни свобода употребленія родного языка не можетъ быть стѣсняема никакими законами и циркулярами въ виду того, что это—такая же потребность человѣческаго существованія, какъ потребность думать и дышать. Какъ ориентировался г. прокуроръ въ дѣлѣ, по которому составлялъ свое окончательное заключеніе,—конечно осталось намъ неизвѣстнымъ; но послѣ этого Харьковскаго инцидента съ книгами, полученными изъ-за границы, явилось запрещеніе выписывать нѣкоторые галицкіе журналы и газеты.

Если съ такимъ политически развитымъ лицомъ, какъ прокуроръ палаты, трудно было говорить о сущности „украинофильства“ (какъ окрестили наше міросозерцаніе крамолоискатели вѣроятно изъ подражанія другимъ терминамъ—„англофильство“, „славянофильство“, „руссофильство“, бывшихъ тогда въ модѣ), то съ уѣздными и вообще нижними чинами судебного и жандармскаго вѣдомства и подавно трудно было поддерживать разговоръ объ идейныхъ основахъ того или другого общественнаго движенія. А при допросѣ относительно частныхъ уликъ, находившихся въ письмахъ и телеграммахъ моихъ знакомыхъ, насколько я былъ словоохотливъ, настолько же изобрѣтательными были и крамолоискатели. Цѣлью ихъ какъ будто было разузнать новыя фамиліи новыхъ лицъ для составленія другого „Свода указаній“, подобно отпечатанному въ „Быломъ“. Всякая фамилія, подписанная подъ письмомъ или телеграммою, доставляла имъ какъ бы наслажденіе, при чемъ разспросы въ большинствѣ случаевъ начинались съ того, какъ давно я знакомъ съ тѣмъ или другимъ лицомъ?

— Давно Вы знакомы съ г. Лучицкимъ?

— Да еще съ 50-хъ и 60-хъ годовъ!

— Ого!—воскликнулъ при этомъ офицеръ.

* Кажется этотъ прокуроръ былъ сыномъ извѣстнаго издателя украинскихъ песенъ еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда и онъ и Метлинскій старались скорѣе записывать украинскія пѣсни, пока они „еще не исчезли“ совсѣмъ.

— Что же тутъ удивительнаго?—сказалъ я:—я зналъ его еще студентомъ и гимназистомъ.

— А кто же онъ такой?—продолжалъ офицеръ.

— Профессоръ Кіевскаго университета.

— А почему же онъ телеграфируетъ Вамъ изъ Иркльева?

— Потому что тамъ его собственное имѣніе или имѣніе его жены.

— А не можете ли объяснить, кого онъ разумѣетъ въ своей телеграммѣ подь „уродами“?—вмѣшался товарищъ прокурора.

Мнѣ разумѣется непонятно было, о чемъ идетъ рѣчь, и я просилъ прежде прочесть телеграмму, чтобы дать отвѣтъ. Оказалось, что г. Луцикій въ телеграммѣ статистику назвалъ зеркаломъ, въ которое не любить заглядывать уроды, ненавидящіе ее и преслѣдующіе. Отвѣтъ мой поэтому состоялъ въ перестановкѣ словъ телеграммы, что въ ней уродами отправитель называетъ тѣхъ, кто ненавидитъ и преслѣдуетъ статистику.

— Да кто же они такіе?

— Изъ телеграммы я не вижу болѣе точнаго опредѣленія этихъ уродовъ!—отвѣчалъ я. Очевидно и товарищу прокурора и жандармскому офицеру желательно было, чтобы я назвалъ уродомъ какое-либо начальствующее лицо, и тогда несомнѣнно уличенъ бы былъ въ неуваженіи властей. На такую догадку навело меня то, что у моего знакомаго Беренштама было взято при обыскѣ мое письмо къ нему, въ которомъ я говорилъ, что опять „марсіане“ (т. е. жители Марса или служители Марса) зашевелились и начинаютъ свои изслѣдованія. У него на допросѣ также добивались, кого я разумѣлъ подь именемъ „марсіанъ“, и при этомъ даже спрашивали: „ужъ не мы ли это?“; но и онъ также не далъ конкретнаго опредѣленія этихъ полумифическихъ, полуастрономическихъ существъ.

Вообще большое изумленіе у допрашивающихъ вызывало то, что съ корифеями украинскаго національнаго движенія какъ напр. Старицкимъ, Кропивницкимъ, Костомаровымъ и др. я знакомъ очень давно—съ 50-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Когда я признался напр., что Кропивницкаго зналъ еще гимназистомъ въ 50-ые годы, то подполковникъ усумнился въ правдивости моего показанія.

— Но вѣдь я же его видѣлъ недавно въ театрѣ,—сказалъ онъ:—и онъ еще молодой человекъ. Какъ же онъ могъ учиться такъ давно въ гимназій?

— Да вѣдь на сценѣ и старый человекъ въ роли молодого можетъ показаться молодымъ!—замѣтилъ я.

Я могъ бы исписать еще нѣсколько страницъ, припоминая такіе мелкіе діалоги по поводу того или другого лица, существованіе котораго обнаруживалось для крамолоискателей изъ письма, найденнаго у меня и приобщеннаго къ дѣлу. Но достаточно ограничиться пересказаннымъ выше почти съ стенографическою точностью; вѣдь всѣ такіе или другіе діалоги могутъ характеризовать только отдѣльныхъ лицъ, допрашивавшихъ меня въ разное время отъ середины 70-хъ годовъ до 1902 года. А можно ли по моимъ воспоминаніямъ опредѣлить, какая вообще была цѣль розыска объ украинофильствѣ, каковъ былъ общій планъ этого розыска и что собственно интересовало разысквателей? Вѣроятно читатели ждутъ отвѣта на этотъ вопросъ, но я затрудняюсь дать на него ясный отвѣтъ. Кромѣ одного случая, когда въ Харьковѣ полученъ былъ ящикъ съ неразсмотрѣнными предварительною цензурою книгами, для другихъ случаевъ обысковъ трудно было даже выдумать поводъ. Въ Харьковѣ дѣйствовали по вполнѣ правильно задуманному плану розыска. Когда жандармамъ стало извѣстно, что изъ Галичины отправленъ ящикъ съ книгами въ 3¹/₂ пуда, то за этимъ ящикомъ слѣдили отъ самой границы, гдѣ можетъ быть переправившій его наемный человекъ другой партіи и самъ

сообщил жандармамъ за приличное вознагражденіе о его содержимомъ. Когда этотъ ящикъ прибылъ въ Харьковъ, то его изъ таможи выдали получателю, а затѣмъ, какъ говорили тогда, подкупили горничную той квартиры, куда онъ былъ перевезенъ. Она вынимала нѣкоторыя книги и носила въ жандармское управленіе, а послѣ обозрѣнія ихъ тамъ приносила обратно и водворяла на старое мѣсто. Получивъ затѣмъ свѣдѣнія отъ шпіоновъ, въ какіе дома и квартиры разнесены книги изъ полученнаго багажа,—во всѣхъ этихъ квартирахъ въ одну ночь сдѣлали обыски. Тутъ дѣйствительно накрыто было ясное преступленіе—желаніе читать книги, не дозволенные цензурою; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, сколько я ни изошрялъ своей догадливости, узнавши вполсдѣвствіи, какъ начиналось и велось дѣло, никогда не могъ отыскать повода, повлекшаго къ обыскамъ и арестамъ. Вѣроятно же всего, что обыски эти предпринимались на-угадъ въ предположеніи найти что-нибудь, изобличающее украинофиловъ въ желаніи ниспровергнуть весь существующій строй и порядокъ, а тогда уже и обвинить въ какомъ либо преступленіи. Дѣло въ томъ, что „украинофильство“, или какъ позже стали выражаться „украиноманство“, даже въ устахъ изобрѣвшихъ этотъ терминъ, было та *tabula rasa*, на которой еще требовалось написать послѣ діагноза кое-какое опредѣленіе, каковое и можно было вставить въ извѣстный раздѣлъ, параграфъ и статью уголовного уложенія. Въ украинофильствѣ заподозривали стремленія и къ политическому обособленію, и къ соціально-экономическимъ переворотамъ, и къ антицензурнымъ выпадамъ, и къ пробужденію національной розни (особенно по отношенію къ великороссамъ*), и къ демократическимъ формамъ общежитія и т. д. Въ послѣднемъ случаѣ мнѣ напр. ставилось даже обвиненіе въ томъ, что, слѣдуя народному обычаю, я къ простолодынямъ обращаюсь на „Вы“, а не на „ты“. „Неужели это правда, что Вы съ мужиками разговариваете также, какъ и съ равными себѣ?“ Такой вопросъ задалъ мнѣ одинъ подполковникъ или ротмистръ среди разговоровъ при допросѣ. И онъ былъ изумленъ, когда я ему сообщилъ, что говоря по украински развѣ только къ членамъ своей семьи и очень близкимъ друзьямъ можно говорить „Ты“; къ низшимъ же говорятъ въ нашемъ народѣ „ты“ только тогда, когда уже отбудутъ воинскую повинность и начинаютъ считать себя поэтому чуть не дворянами.

Очевидно въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, при допросахъ еще пока только собирались признаки, по какимъ въ будущемъ предполагалось изловлять опасную секту „украинофиловъ“. Теперь, кажется, время для подобныхъ изслѣдованій пршло и все, что я рассказывалъ здѣсь, отошло въ область „былого“. Что скажетъ будущее? Будутъ ли и послѣ насъ допрашивать ошупью, чтобы выловить кое-что и въ новомъ „Сводѣ указаній“ растолковать, какъ старая идея украинскихъ „народовців“ (какъ сами они себя называли) по присущему всѣмъ идеямъ свойству дифференцировалась и дала разныя теченія, вышедшія изъ одного демократическаго русла, проложеннаго Шевченкомъ, или же при полной свободѣ мыслей и дѣйствій не будетъ никакой надобности ни въ самой крамолѣ ни въ крамолоискательствѣ? Пусть на этотъ вопросъ отвѣчаютъ уже тѣ, у кого сильна вѣра въ то, что свѣтъ поборетъ тьму, а не тѣ люди „былого“, которые сходятъ или уже сошли съ поля битвы за свободу!

А. Русовъ.

* Мнѣ приходилось напр. на допросахъ интерпретировать фразу Шевченка: „Кохай-теся, чорноброві, та не з москалями“ въ качествѣ фразы противъ милитаризма вообще и въ частности противъ разврата солдатъ и офицеровъ, и увѣрять допрашивающихъ, что я перевожу въ ней „москаль“ не словомъ „кацапъ“, а словомъ—„солдатъ“.